

# ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ, ИЛИ «КАК ЭТО НЕ БЫЛО»

---

*Н. А. СЕЛУНСКАЯ*

## ИСТОРИЯ ПРАВА И ИСТОРИЯ КОММУНЫ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МОДА В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

В осмыслении общих задач историка происходили самые радикальные революции. Достаточно выделить две кардинальные мировоззренческие трансформации. Отказ от морализаторских и идеологически-воспитательных интенций был облачен в следующий призыв: «описывать историю, как она есть». Но и такая прагматическая направленность следующим поколениям историков показалась крайне тенденциозной и идеалистически наивной.

Наиболее дальновидным мыслителям XX века стало очевидно: «Историческое знание не может быть описано в соответствии с моделью объективного знания, поскольку оно само является процессом, имеющим все характеристики исторического события. Объективизм — это иллюзия»<sup>1</sup>. Однако иллюзия эта не только стойкая, но и тщательно поддерживаемая и поощряемая. Предметно-объектной иллюзии поставлен памятник в каждой сфере знания (политологии, лингвистике, истории) — жесткая объективистская модель описа-

---

<sup>1</sup> Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988. *Gadamer H. G. Il problema della coscienza storica. Napoli, 1969. P. 78. Bourdieu P. Homo academicus. Ch. 5. <http://bourdieu.name/content/bourdieu-pierre-homo-academicus>; Idem. Structures, Habitus, Practices / The Logic of Practice. 1990. Углубляя анализ псевдо-объективизма, Бурдьё поясняет, что «против позитивистского материализма в теории практики выдвигается тезис о том, что объекты знания конструируются, а не пассивно отражаются. Против интеллектуального идеализма — тезис, что принципы такого конструирования являются системой структурированных, структурирующих предрасположенностей...». P. 52-65.*

ния, регламентирующая, в том числе, критерии оценки академических работ и язык изложения. У современного историка может сохраняться архаичский понятийный аппарат, который не дает исследователю углубить представление о собственных задачах исторического интерпретирования. Это видно и по терминологическим стандартам исторической дисциплины, которыми диссертанты пользуются хотя бы во введении квалификационной работы, послушно произнося «объект» вместо — «тема» и т.д.

Итак, язык, свойственный позитивистской модели представления о мире и его познании, остался в арсенале современного историка, и это серьезно мешает как исследованию, так и восприятию его результатов. Можно сказать, что у историка всегда есть в арсенале несколько языков описания, коммуникативных средств, терминологических аппаратов. Иначе и быть не может, если учесть, как давно появилось историческое описание и как много специализаций исторического знания обозначилось в самый последний период. Для корректного изложения самых конкретных вопросов необходимо прояснить эти терминологические наслоения в историческом описании.

В определенный момент развития европейской мысли сложилась популярная система представлений о возможностях интерпретации как прошлого, так и настоящего человеческого сообщества, возникло объективистское мировоззрение. Словарь историка, вписанный в эту заданную жесткую систему, включал понятия «объекта» (более широкое) и предмета (его части), над которыми ведется некое «наблюдение». Эти наблюдения и приравнивались к интерпретации в историческом знании. Интерпретация, однако, это не вневременной способ свершения логических операций, а истина своего времени<sup>2</sup>. Говоря, словами Дж. Леви, вплоть до эпохи романтизма интерпретация была, прежде всего, проблемой техники — того, как сформулировать правила, по которым должно осуществляться чтение определенных текстов. Герменевтика же как общефилософская проблема развивается в связи с разрывом в европейской традиции, обозначенным Французской революцией: вопрос о доступе к

---

<sup>2</sup> Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 97; Vattimo G. Introduzione // Apel K. O. Comunita e comunicazione. Torino, 1977.

продуктам духовной деятельности других эпох и народов становится проблемой, Библия и юридические тексты перестают быть привилегированными и неподвижными объектами интерпретации<sup>3</sup>.

История средневековой Италии, с ее невиданными и неожиданно сохранными для доиндустриального периода массивами источников, прежде всего правовой документации, представляет особое поле исторических исследований, которое одновременно требует новых подходов, но и допускает длительное использование одних и тех же методик при совершенствовании техники интерпретации, без качественных изменений в подходах к интерпретируемому материалу, и, в конечном счете, консервацию историографических традиций.

После тысячного года образование общин (коммун) и сеньорий в ситуации политического полицентризма и территориальной раздробленности Италии представляло собой основной способ организации экономической и социально-политической жизни на локальном уровне. История структур, которые в научной литературе определяются как сеньория и община, представляет собой основную тему интерпретации для медиевистов. Практически весь период существования медиевистики основной (не всегда осознанной и артикулируемой) парадигмой изучения итальянского средневековья была перспектива выведения политических, экономических и социальных аспектов истории из свидетельств правового характера. Были периоды, когда исторические нарративы пытались корректировать «данными» правовых документов, были периоды возвращения к хроникам и другим нарративным источникам как к свидетельствам, «обогащающим» правовой материал, но общей ситуации это не меняло.

Таким образом, сама по себе эта оппозиционность сохраняет на определенной высоте и тот, и другой подход, расценивая каждый из них как высокий штиль или, выражаясь модным образом, дискурс. Оппоненты невольно являются пропагандистами той позиции, которая удостоилась их критики. Можно сказать, что дисциплинарная оппозиционность истории и права в любом случае является условной, поскольку у обеих дисциплин есть ряд общих используемых

---

<sup>3</sup> *Levi G. I pericoli del Geertzismo // Quaderni Storici. 1985. № 58. P. 269-277.*

концептов и тем. Однако эти взаимоотношения истории социума и истории права требуют особого тщательного анализа.

В этой связи выделяются итальянские историки Вольпе и Каджезе<sup>4</sup>, а также Табакко, связанные с марксистской ориентацией на экономические и политические факторы развития коммуны. Они получили международную известность не только из-за своих талантов в сфере конкретных исследований, но и благодаря мировоззренческой внятности, которая обеспечивала связность их исторической картины мира (в частности, мира итальянских средневековых коммун и общин). Справедливо мнение, что краткая работа Вольпе о происхождении и развитии итальянских коммун служит отправной точкой в современной историографии коммун<sup>5</sup>. Она была пионерской и для идеологически обоснованного тренда умеренного марксизма в историографии. Фундаментальный труд Каджезе по истории сельских коммун и социальных «классов» первоначально оставался как бы в тени конструирования истории городских коммун, но, возможно имел более оригинальный характер и, во всяком случае, до сих пор используется<sup>6</sup>. Главное же отличие школы, которую создали Каджезе и Вольпе, состояло в стремлении переосмыслить традиционные наработки правоведов по истории коммун в свете истории экономического развития социума, что и было закреплено в названии научного направления — экономико-юридическая школа.

Это течение либерально-марксистской мысли в итальянской историографии получило развитие в творчестве Табакко, который также переосмыслил правовую историю коммун, но уже в социально-политическом ключе, заявив, что социально-политическая история

---

<sup>4</sup> Ссылаюсь на более доступное в России издание, хотя существует и более современное: *Volpe G. Questioni fondamentali sull'origini e primo svolgimento dei comuni italiani / Medio evo Italiano. 2<sup>nd</sup> ed.* Firenze, 1961. P. 85-118. (3 ed. Roma, 1992); *Caggese R. Le classi e comuni rurali nel medioevo italiano.* Firenze, 1907-1909. Vol. 1-2; *Он же. La repubblica di Siena e il suo contado.* 1906.

<sup>5</sup> Такую оценку можно найти в работе: *Coleman E. The Italian communes. Recent works and current trends // Journal of Medieval history.* Vol. 28. N 4. P. 376.

<sup>6</sup> Ромоло Каджезе и его трудам в текущем году в Италии (Милан, 13 февраля 2009 года) была посвящена специальная конференция – столетие спустя после выхода в свет заключительного тома истории сельских коммун. <http://www.comune.ascolisatriano.fg.it/cca/html/modules/news/>

представляет собой изучение процесса сознательного приобретения социальными группами и классами-гегемонами структур осуществления власти и кристаллизации особых институтов<sup>7</sup>. Эту традицию продолжает современный британский медиевист, провозглашающий себя приверженцем марксизма, хотя идеологизированный контекст практически не проступает в его трудах сквозь хитросплетения текстурального анализа правовых свидетельств<sup>8</sup>.

В определенный период развития итальянской медиевистики и школы советских итальянистов, взаимодействие двух традиций было необходимо и закономерно. Советские историки могли скорректировать жесткие контуры формационной модели за счет исследовательских практик, апробированных в Италии и принесших интересные результаты, а итальянские медиевисты нуждались для создания обзорных трудов по истории Италии в способах объяснения и создания исторического нарратива через фильтры тоталитарного видения, свойственные российской версии марксистской историографии<sup>9</sup>. Позиция одного из авторитетнейших специалистов советского периода В. И Рутенбурга весьма показательна. Его общие идеологические установки составляли как бы несущую конструкцию советской историографии, но в данном вопросе исследователь выражается весьма нейтрально и избегает четких определений коммуны в плане правового статуса, политические же моменты признаются основными ориентирами, даже если не существует никаких доказательств политического влияния объединения на раннем этапе: Рутенбург постулировал, что города-коммуны к последней четверти XI века пользовались уже «частичной или полной автономией, как правило, закре-

---

<sup>7</sup> *Tabacco G.* The struggle for power in medieval Italy. Structures of political rule. Cambridge, 1989. P. 1. Из контекста всей книги следует, что под институализацией, автор понимает систему формально регламентированных и достаточно долговечных должностных постов и учреждений публичной власти.

<sup>8</sup> См.: *Wickham C.* Community and clientele in twelfth century Tuscany. The origins of rural commune in the plain of Lucca. Oxford, 1998.

<sup>9</sup> *Рутенбург В. И.* Чомпи и гранды // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959; *Он же.* Введение / Итальянские коммуны. Л., 1965; *Самаркин В. В.* Эволюция либерального держания в Северо-Восточной Италии в XII–XIV вв. // Вестник МГУ. История. 1964. № 3.

пленной юридически» без какой-либо конкретизации форм и способов правового самоопределения коммун. Из этого следует, что «юридические формальности» считались менее значимыми, чем общий план политической борьбы. Именно вследствие отрицания формально-юридических критериев «...время зарождения средневековой коммуны Италии не может быть зафиксировано с абсолютной точностью». При этом, однако, подчеркивается, что консолидация коммун происходит именно «в период борьбы с сеньорами»<sup>10</sup>.

Вклад российских медиевистов действительно был самобытным, и не случайно среди авторов многотомной энциклопедии истории Италии есть их имена. Прежде всего, органически ощущавшейся потребностью в связности исторического нарратива и тщетными поисками дисциплинарной когерентности в 1960–70-х гг. можно объяснить тот моральный авторитет, которым пользовались в среде итальянских текстологов и исследователей региональных и локальных казусов некоторые зарубежные коллеги, вводившие в оборот гораздо меньшие объемы источников и не замечавшие многих тонких аспектов средневековой социальности.

Кроме усложнения вопросов эпистемологического характера, меняющих картину исторического описания, видимые изменения влечет за собой расширение спектра тем исторического исследования. Возможно, проблематизация языка описания и новые стандарты теоретической рефлексии, которые возникли в рамках отдельных видов медиевальных исследований, заставили некоторых историков отказаться от традиционных правоведческих сюжетов средневековой истории и перейти в другую тематическую область интересов, например ту сферу, которую прежде считали своей историки искусства и культуры. При этом было бы неправомерно обвинять историков в том, что они посягнули на «территорию» более молодой дисциплины, с менее определенными теоретическими основами.

---

<sup>10</sup> Рутенбург В. И. *Итальянские коммуны XIV–XV вв.* М.; Л., 1965. С. 8–11. Такая тенденция сохранялась и в позднее. См., например: *Классы и сословия средневекового общества* / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1988. *Общности и человек в средневековом мире* / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1992.

Историк, естественно, хочет исследовать взаимодействия множества малых социумов в их социально-правовых проекциях. Поскольку осуществление права является таким взаимодействием, историк, с неизбежностью черпает материал из правовых источников, нормативных правовых свидетельств. Используя те же материалы, что и представители других видов гуманитарного знания, историки задавали собственные вопросы, искали и реконструировали объекты описания, интересные именно с точки зрения истории социума, социальной коммуникации и репрезентации.

В последние десятилетия XX в. и начале XXI столетия в медиэвистике в плане общих теоретических «опор» исследования стали фигурировать основы культурной антропологии<sup>11</sup> и понятия из социологического арсенала Бурдьё, в первую очередь «габитус». Микроистория выразила резкое несогласие с влиянием антропологов. Идеи же Бурдьё не критиковались в явном виде, но и не были напрямую использованы. Однако использование концептов в духе Бурдьё можно заметить и у историков, сформировавшихся на итальянской почве, если детально проследить, как сам Бурдьё выпестовал понятие *габитус*<sup>12</sup> и какие клише вырабатывают современные медиэвисты при исследовании итальянской общины средневековья.

Подходы к формированию понятия *габитус* сжато изложены следующим образом: «*habitus* — это продукт истории, который производит и воспроизводит индивидуальные и коллективные практики — в соответствии со схемами, порождаемыми историей... тот принцип преемственности и регулярности, который отмечается в социальных практиках последователями объективизма, но не находит у них объяснения, а также принцип регулируемых преобразований, который не может быть объяснен ни внешним детерминизмом

---

<sup>11</sup> Важен пример влияния идей К. Гирца на исследование Р. Дарнтон, поскольку эта тенденция получила не только немедленную отповедь, но и самое детальное описание со стороны Дж. Леви: Geertz C. Local Knowledge. Further Essays in Interpretative Anthropology. N.Y., 1983. Levi G. Op. cit. 1985. № 58. P. 269-277. Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. N.Y., 1984. (Рус. пер.: Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002).

<sup>12</sup> Bourdieu P. Structures, Habitus, Practices... P. 52-65.

механистического социологизма, ни чисто внутренней, но такой же внезапной детерминацией спонтанного субъективизма». Основные характеристики *габитус*'а следующие: «...*habitus*, т.е. системы прочных приобретенных предрасположенностей (*dispositions*), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, т.е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства. Объективно “регулируемые” и “регулярные”, не являющиеся при этом никоим образом результатом подчинения правилам, они могут исполняться коллективно, не будучи продуктом организующего действия дирижера... Разумеется, не исключается, что действия *habitus*'а могут сопровождаться стратегическим расчетом, который обычно направлен сознательным образом на то, что *habitus* делает совсем иначе, а именно, на оценку шансов преобразования наследия прошлого в ожидаемую цель...».

На мой взгляд, идейное влияние Бурдые ярко проявилось в труде под редакцией современного итальянского историка Р. Бордоне, для которого община — воплощение не просто гражданской традиции, но и некоего состояния духа — *uno stato d'anima*<sup>13</sup>. Однако в целом сообщество итальянистов-медиевистов демонстрирует консерватизм и подозрительность в отношении смены концептов и способов интерпретации, что обуславливает мифологизацию основных изучаемых тем, и в частности истории общины.

По моему мнению, в рамках собственно исторических исследований не происходит отклонения от парадигмы описания средневековой итальянской истории, основанной на правовом материале, интерпретируемом в таком ключе, который изжил себя еще до эпохи интеллектуальной революции Просвещения. Среди традиционно изучаемых тем первостепенное значение имела организация коммун и сеньориальных структур средневековой Италии, однако их институты обычно рассматривали сепаратно, отдельно друг от друга

---

<sup>13</sup> La società urbana nell'Italia comunale (secoli XI–XIV) / A cura di Renato Bordone, 2005.



в различных контекстах. При этом сам язык описания сеньории и коммун, представляемых историками в совершенно разных, контрастирующих контекстах, был практически единым. Более того, весьма длительное время он был языком историков права.

Займствование, точнее говоря, вкрапление юридических концептов никогда не было секретом, но до недавнего времени не являлось предметом рефлексии историков. Как только один из таких употребляемых историками терминов был изобличен как анахронизм, вторично заимствованный из сферы истории права (речь идет о кластере понятий, связанных с феодалом и вассалитетом<sup>14</sup>), то и вся традиционная картина мира историков-медиевистов покачнулась. Потребовалось признать необходимость ревизии понятийного аппарата и традиционной исторической интерпретации правовых отношений. Данная ревизия обычно связывается с именем американской исследовательницы С. Рейнольдс, хотя у нее были предшественники, в частности, Элизабет Браун, выпустившая критическую работу, посвященную понятию «феодализм» двумя десятилетиями ранее<sup>15</sup>. Радикальный критицизм Рейнольдс, вписывается в определенный историографический контекст: не в интеллектуальную моду конца XX века, а в традицию американской университетской культуры, которую воплощают рефлексивные выступления, попытки переоценки эмпирической основы медиевистики<sup>16</sup>. Э. Браун и некоторые из критиков<sup>17</sup>, наиболее чутких к сути вызова, сформулированного в ее исследовании, равным образом являлись учителями Рейнольдс.

Можно сказать, что именно Рейнольдс предложила исследование истории концептов и историографических стереотипов (возникших в процессе изучения истории общин, государств, фьефов и сис-

---

<sup>14</sup> Reynolds S. *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. N.Y.; Oxford, 1994; *Eadem*. *Kingdoms and communities in Western Europe 900–1300*. 2 ed. Oxford, 1997.

<sup>15</sup> Brown E. A. R. *The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe* // *American Historical Review*. 1974. N 79. P. 1063-88.

<sup>16</sup> Подробнее см.: Селунская Н.А. Сеньория, община и вассалитет простолюдинов, или "Презумпция невинности Рейнольдс" // *Одиссей* 2006. <http://www.odysseus.msk.ru/numbers/?year=2006&id=28>

<sup>17</sup> Cheyette F. *Speculum*. 1996. Vol. 71. P. 998-1006.

тем вассалитета средневековья) как основу *исторического* интерпретирования. Важно отметить, что к этому времени развитие теоретических исследований в университетских центрах уже показало и доказало зависимость представлений медиевистов-источниковедов от привнесенных в историческое поле «чужеродных» концептов.

Однако у взаимопроникновения и долговременного слияния дисциплин истории права и социальной истории есть и другое важное следствие. Не только определения из арсенала правоведов (в том числе устаревшие) стали неотъемлемой частью исторического описания, но и базовые представления историков, уже пересмотренные ими, стали краеугольным камнем общих построений историков права в том, что касается осмысления изучаемого прошлого «как реальности», попыток описать, «как было на самом деле».

Для историков права, как и для историков, не ставящих вопроса о соотношения теории и истории в собственном исследовании, ничего не изменилось, и традиционное словоупотребление остается корректным способом описания в рамках академического дисциплинарного дискурса. Именно поэтому необходимо рассмотреть перспективы и претензии развивающейся истории права, накопившей и введшей в научный оборот ценный источниковый материал, на то, чтобы создать историю по модели прошлых веков историографии. Пеннингтон — виднейший ученый среди историков права, утверждал, что еще 25 лет назад любое выступление по теме изучения истории правовых доктрин *Ius commune* вызывало неизбежное ритуальное действие между докладчиком и аудиторией: историки в нетерпении вертели на стульях, ожидая возможности сразить выступавшего прагматическим вопросом о том, как эти интересные и возможно даже правильные рассуждения относительно «ученого права» можно соотнести с низовой практикой судов и противоборствующих в них сторон. Теперь же ритуал изменился... Правоведы, историки правовых доктрин уже показали, что доктрины общего права пронизывали область правоприменения, первый страт правовой системы.

На мой взгляд, обнаружение исторических источников, документов, описывающих практику правосудия, применения правовых доктрин и теорий, заставляет серьезных историков права наивно рассчитывать на создание подлинной правовой истории, пытаться

показать «как это было» на уровне практики и индивида<sup>18</sup>. Более того, проникновение терминологии, связанной с определенной традицией в новую область, (например терминов *Jus commune* в сферу, принадлежавшую *Jus proprium*) однозначно трактуется как показатель исторического влияния, практического замещения одного другим<sup>19</sup>.

Здесь явно обнаруживается слабость интерпретации правоведов. Самый наивный историк не станет принимать наличие свидетельств, описывающих изменения практики (например, практики судопроизводства) за объективный показатель реальных изменений этой практики. Однако в пользу истории права играет важный фактор — непрерывность самого преподавания дисциплины, системность терминов и понятий. Это в конечном итоге дает связность описания, четкий общий план картины исследования, который далеко не всегда могут продемонстрировать историки.

Историки решают проблему связности (дисциплинарной когерентности) разными способами, если вообще ощущают ее как проблему и не считают легко достижимой технической задачей<sup>20</sup>. Вообще самый распространенный случай — отсутствие заявки со стороны историка на методологически обоснованную стратегию исследования и описания — представляет наибольшую трудность для историографического анализа, поскольку отсутствие автокомментария

---

<sup>18</sup> См., напр.: Pennington K. Roman and Secular Law in the Middle Ages. Medieval Latin: An Introduction and Bibliographical Guide / Ed. F. A. C. Mantello, A. G. Rigg. Washington (D.C.), 1996. P. 254-266; *Idem*. Learned Law, Droit Savant, Gelehrtes Recht: The Tyranny of a Concept // Rivista internazionale di diritto comune 5 (1994). P. 197-209 // Syracuse Journal of International Law and Commerce 20 (1994). P. 205-215. Авторитетное международное издание напечатало статью в том же году, когда аналогичный вариант был опубликован университетом, в котором работал автор. Затем появилась Интернет-версия статьи, текст которой я и использую <http://faculty.cua.edu/pennington/learned.htm>.

<sup>19</sup> “Legal historians have shown again and again how the jurisprudence of the *Ius commune* pierced the lowest levels of the judicial system... Manlio Bellomo has pointed out that the doctrines of the *Ius commune* guided the practice of Italian courts, penetrated the doctrine and language of the *ius proprium*” (Ibidem).

<sup>20</sup> Интересные наблюдения над историками и их представлениями в связи с проблемой дискурса связности см. в книге: Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. (Особенно гл. 4-5).

и проблематизации, рассматриваемых понятий не снимает вопроса о наличии методологических предпочтений, стереотипов и предрассудков, а только усложняет этот вопрос. Подобным наивным позитивизмом может отличаться и вполне качественное с точки зрения текстологии или истории права исследование, но настолько же важно, насколько и трудно оценить его вклад в развитие собственно исторической дисциплины. Тенденция к созданию рефлексивной историографии непреодолима и особенно значима именно когда конкретно-исторические исследования находятся на подъеме.

Потребность в связном «описании мира» настолько велика в ситуации поразительной сохранности исторических источников и их усиленного штудирования на локальном уровне, что единственным «двигателем» исследований становились тенденциозные, вписанные в идеологические каноны исторические школы. В итальянистике в основном это были историки, связанные с той или иной версией марксизма. На мой взгляд, если исследования итальянского средневековья останутся в традиционном детализирующем ключе описания, будет повышаться ценность связных нарративов, хотя они включают немало идеологем. Вопрос в том, каким будет русло развития нового большого нарратива.

Крайне претенциозный стереотип историописания, созданный XIX столетием и воплощенный в лозунг Ранке — показать «как было на самом деле», на излете XX века сменил более реалистичный призыв: путем исторической критики, скептической саморефлексии историка и борьбы с историографическими стереотипами выявить, по крайней мере, самые шаткие и неподкрепленные предположения. Задачей историка становится попытка ответить на вопрос *wie es eigentlich nicht gewesen* — «как это не было» в истории<sup>21</sup>.

«История, какой она не была» — двоякий концепт, обоюдоострый инструмент историописания. С одной стороны, это своеобразный апофатический метод создания исследования и отражающего его нарратива. Мы можем узнать о жизни социума и индивида прошлого далеко не все: самые тонкие материи не поддаются реконст-

---

<sup>21</sup> Igers G. G. *Historiography and Politics in 20<sup>th</sup> century* // *Societies made up of history*. Edsburg, 1996. P. 15-16.

рукции. Кроме того, только когда мы как историки просто признаем это положение, можно двигаться дальше: во-первых, исключить самые бездоказательные, необоснованные (и в этом смысле нереалистичные) тезисы и исторические реконструкции, а во-вторых, выделить сюжеты, по определению требующие исключительно субъективного взгляда, эмоционально окрашенного отношения<sup>22</sup>. С другой стороны, проблема мифотворчества, закрепленного в историографической традиции, не может быть оценена однозначно. Это мифотворчество имеет не только негативные, но еще и позитивные последствия для изучения отдельных тем истории. Образно говоря, рабочие пчелы — исследователи-практики не имеют тех сот, ячейки которых они могли бы заполнить. Без структурирующей сознание (идеологизированной историком) картины прошлого, без создания большого нарратива, без попытки *ре-конструирования* широкого исторического контекста, бывает невозможно реализовать имеющиеся частные наработки и исследовательские результаты, выстроить их в определенной перспективе и сфокусировать.

Итак, интерпретация истории — тема, которая требует изучения по тем же критериям, что и любой исторический феномен. Язык интерпретации формируется исторически, является отражением коммуникативной среды определенного научного сообщества, и несет в себе ряд архаизмов и неологизмов, закрепившихся в терминологическом аппарате исследователей разных поколений и научных школ. Как правило, успешной интерпретацией, принимаемой научным сообществом широко и надолго, является модель, заданная не одним человеком, но специфической интеллектуальной средой, создавшей определенный контекст интерпретаций — мировоззренческую картину мира, более или менее тенденциозного характера.

---

<sup>22</sup> Отношение к этим аспектам может быть диаметрально противоположным. Можно считать эту ускользающую историчность смысловой основой труда историка, недостижимой целью, которую он стремится, тем не менее, представить и конкретизировать, или же просто игнорировать и исключать иррациональное и субъективное в рамках исторического исследования. Или же, прекрасно понимая смысл «позиции субъективности», как она выражена в современных гуманитарных исследованиях, можно, тем не менее, с полной ответственностью и последовательностью отстаивать точку зрения антирелятивизма.